

Культура. - 1997. - 22 марта.

Шостакович и Ростропович

с. 13

ФЕСТИВАЛЬ

Гюляра САДЫХ-ЗАДЕ

В год девяностолетия Дмитрия Дмитриевича связь Петербурга и его музыки выглядит особенно многозначной и многозначительной. Здесь, в Петербурге, он учился, затем преподавал в консерватории, сочинял музыку, во время войны в блокаду дежурил ночами на крыше. В Ленинградской филармонии состоялись премьеры многих его произведений, здесь начались его гонимые и соприкосновения с легендарным Мравинским. Поэтому, когда Мстислав Ростропович предгьявил в Петербургской филармонии "к исполнению" несколько бумажных листков, на которых рукой Шостаковича были сделаны наброски плана воображаемого им в 60-е годы фестиваля, вопрос о его проведении решился довольно легко.

Конечно, составляя тридцать лет назад программу фестиваля, Дмитрий Дмитриевич вряд ли верил в реальность его осуществления. Скорее, это была изложенная на бумаге заветная мечта, некое идеальное пожелание. Тем не менее программа, состоящая из одиннадцати симфонических и камерных концертов, была выстроена детально, четко, в соответствии с законами музыкальной драматургии. Она получилась не только логичной, разнообразной по жанрам, но и достаточно полно отражающей основные этапы творческого становления композитора. Восемь симфоний (в программу включили перед самым фестивалем Седьмую, Ленинградскую — невозможно было в Петербурге обойтись без этой "музыкальной визитной карточки" города), восемь квартетов, три вокальных цикла, пять концертов, фрагменты "Леди Макбет", знаменитое Фортепианное трио и не менее знаменитый Фортепианный квинтет...

Разумеется, программа фестиваля "не вобрала" всего Шостаковича, в ней не было ничего похожего на "подведение итогов". Да и не могло быть. Композитор программно-составил свой фестиваль, находясь — пусть звучит это банально, но это истина — в расцвете творческих сил, впереди еще были Четырнадцатая, Пятнадцатая симфонии и многое другое. Но в ней, этой программе, точно обозначены его приверженности и пристрастия, направления поисков, словом, далеко еще не законченный "трудный путь познания" художника.

В программе были сочинения, "излучающие" интонации, и те, что вбирали характерные для творчества композитора мотивы, вариировали их и развивали дальше. Всплывающие в нескольких квартетах темы основных арий из "Леди Макбет", тематические реминисценции и переклички симфоний и концертов, известный мотив-монограмма d-es-c-h, возникающий в Четвертом, Пятом, Восьмом квартетах, в Десятой симфонии и — опосредованно — в цикле "Из еврейской народной поэзии", — все это привнесло в фестиваль свойства некой метасистемы.

В представленных вокальных циклах — "Сатирах" на стихи Саши Черного, "Из еврейской народной поэзии" и в "Песнях и плясках смерти" Мусоргского в оркестровой редакции Шостаковича — нашло отражение "мусоргианство" композитора.

Смещение "чистых" и "прикладных" жанров, влияние кинематографических принципов организации материала на дальнейшее становление симфонизма Шостаковича — тяготение к программности и "цитатности", расширение круга музыкальных ассоциаций — насытили фестивальный сюжет самыми разнообразными крас-

ками, придало ему объем и многомерность. Возникающая в каждом концерте полифония смыслов, столь присущая музыке Шостаковича, углублялась и расширялась в общесюжетном петербургском контексте. Словом, по содержанию цикл концертов, предложенных вниманию публики, являл собою истинный шедевр, пусть не полную, но модель творчества Шостаковича. Мстислав Ростропович предстал на фестивале сразу в нескольких ипостасях — одного из его организаторов, дирижера и исполнителя-солиста.

Дирижерская манера Ростроповича тяготеет к яростным, титаническим, обостренно полярным динамическим контрастам, к подчеркиванию граней разделов и темповых переходов. Однако излишняя структурность в трактовке музыкальной формы, уместная в интерпретации классической Первой или скерцозной Девятой симфоний, порой разрушала единство, органичность развития композиторской мысли. А динамическая палитра, в которой, казалось, существуют лишь две краски — мощное запредельное фортиссимо (не всегда соизмеряемое с акустическими возможностями Большого зала Филармонии) и шелестящее инфернальное пианиссимо, вызвала желание полутонных, детализированных и разнообразных градаций звука, более убедительно подготовленных кульминаций.

Впрочем, дирижерский стиль Ростроповича ощутимо менялся от симфонии к симфонии. Его трактовка Пятой разительно отличалась от той, которую многие годы оттачивал заслуженный коллектив во главе с Юрием Темиргановым. Взрывчатость, поступательность и активность сменились в трактовке Ростроповича мрачностью, чуть замедленным потаенным повествованием — и, смею заверить, дирижеру нелегко было преодолеть исполнительские стереотипы оркестра. Зато "революционные", кинематографические Одиннадцатая ("1905 год") и Двенадцатая ("1917 год") прозвучали величественно и обостренно выразительно.

Но особенно удались на фестивале камерные программы: звездное трио — Мстислав Ростропович, Виктор Третьяков и Игорь Урьяш — задали небывалый лихорадочно-приподнятый тонус игры, в которой сквозили неподдельный азарт и истовость, да так, что дух захватывало от их беседы-соревнования. А звездный квартет в составе Гидона Кремера, Татьяны Гринденко, Мстислава Ростроповича и Юрия Башмета продемонстрировал мощное звучание и принципиально неквартирный, заостренный индивидуализированный класс игры. Этот концерт, пожалуй, был самым ярким событием фестиваля.

Соллирующий Ростропович — картина, ставшая характерной для этого музыкального праздника. Несмотря на огромную нагрузку, он сыграл еще и два виолончельных концерта — Первый Шостаковича (на открытии, сверх основной программы) и Концерт Шумана в оркестровой редакции Шостаковича.

Работа, проделанная Ростроповичем на этом фестивале, огромна и заслуживает уважения и признательности. Общественный темперамент музыканта, неординарный склад его личности не раз на протяжении его жизни подвигали его на крупные, значимые шаги, на акты, облагораживающие и приподнимающие серую маелу будней. И в этом смысле музыкант, находясь на пороге 70-летия, являет пример гармоничной и цельной артистической личности, которая твердо знает, что должно делать, осуществить, создать. Так получилось и с петербургским фестивалем, ставшим главным свершением нынешнего концертного сезона, на глазах превращающимся в свершение историческое.